

Первая встреча с фильмом "Какая чудная игра", вернее с кинорассказом о его съемках, состоялась при обстоятельствах экстраординарных.

Шторм становился все сильнее. Речной корабль боролся с морскими волнами. Падали со стен салона картины, звенели и бились бутылки и рюмки закрытого бара. Бледнели и постепенно покидали импровизированный просмотровый зал участники фестиваля "Созвездие". И только самые стойкие требовали продолжения сеанса.

На телеэкране развертывалось любопытнейшее киноисследование: камера Игоря Гневашева наблюдала за происходящим на съемочной площадке, за действиями, поведением режиссера Петра Тодоровского, за его работой с актерами. Зрелище было захватывающим, ибо вводило в творческую лабораторию мастера, помогало понять цену будущей удаче фильма и причины частных осечек.

Героем этого фильма о фильме был именно Петр Ефимович, ежесекундно - и это можно было увидеть воочию - отдающий соратникам свой живой дар импровизатора, молодой темперамент, редкое человеческое обаяние. Войдя за кинематографические кулисы, Гневашев сумел увидеть и запечатлеть смысл и направленность режиссерской сверхзадачи: в частной истории, в одном происшествии-анекдоте раскрыть характер эпохи начала 50-х, особенную атмосферу, ритмы жизни, состояние эмоций, степень зависимости каждого отдельного человека от господствующей системы.

Сегодняшнее время по праву может быть названо временем воспоминаний. Словно опоминаясь от спешных и опрометчивых побиваний камнями прошлого, и его современники, и начинающие кинематографисты испытывают почти навязчивую потребность понять уже не только государственную, официальную, сколько человеческую историю, с которой связаны молодость поколения, увлечения, надежды, любовь. Вступая в большой, взрослый мир, каждый полагает, что пришел в него не зря, что может совершить нечто значительное, что жить в нем можно весело и увлекательно, ибо ты сам творишь эту жизнь, придаешь ей свои фантазии, имеешь право почудить, взбадривать мир розыгрышами, представлениями, вымыслами. И нет вре-

мени, которое запретило, отменило бы это юношеское мироощущение. Тодоровский и рассказывает о своей юности, расширяя, продлевая память наших современников, даря знание ушедших, хоть и не столь уж отдаленных, но поспешно забытых послевоенных лет.

Загородное студенческое общежитие, полуголодное существование, непрерывный смех, по утверждению очевидцев, заменяющий еду и житейские удобства. Можно подшутить над соседом по комнате, направив его полусонного на станцию и выиграв час сна на его койке; можно дурить коменданта, рассчитывая на его добросердечие; можно съесть торт, приготовленный сотоварищем к свиданию, положив в коробку камни; можно пробираться в общежитие в неположенное время за небольшую плату или вовсе без нее; можно устраивать ночные попойки и гульбища или подслушивать, что происходит в соседней комнате, а потом беззлбно потешаться над услышанным.

Жизнь студентов киноинститута оказывается непрерывной игрой, в которой дарования и принадлежность к цеху искусства проявляются несколько не меньше, чем в собственно творческих упражнениях. Об этих упражнениях автор фильма умалчивает. Его объект - каждодневная и каждодневная жизнь, которая еще и не ищет разделения на подлинное и мнимое, на дурь и боль, на сыгранное и пережитое. Граница между детством и взрослостью еще не проведена, еще не осознается как неизбежная необходимость, еще можно побегать, по, как кажется, нейтральной полосе. И отнюдь не сразу, а может быть, и слишком поздно станет понятно героям этого веселого творческого сообщества, что граница все-таки есть, что она таит в себе реальную опасность, что нейтральная полоса окажется в конце концов лезвием бритвы.

В поиске все новых острых ощущений трудно остановиться. Тем более, что действительность посылает свои сигналы, искушает всех и каждого. Дикторские голоса из радиоприемника создают все новых героев и разоблачают все новых вредителей. Голоса невидимых людей распоряжаются миром. Они входят и в самодостаточную, как казалось, жизнь студенческого общежития. Рождается главный анекдот, становящийся причиной трагедии. Как смешно и драматургически интересно передавать по радио (благодаря передатчику, спрятанному в шкафу) разоблачительные сообщения! Какой ужас может испытать человек, услышавший о себе нечто скрываемое!

Что должен пережить человек, услышавший свое имя от голоса власти, голоса государства, голоса выс-

Развертывается действие, вбирая в себя каскад веселых, грустных, драматических перипетий. Экранное пространство вовлекается в свое пульсирующее движение, покоряет динамикой и особой лирической интона-

цией, слышимой в шуме и гаме происходящих событий. Действие движется к своему пику: не искусство и жизнь, но част-

ная жизнь и государственная машина входят в жесткое, убийственное соприкосновение. Власть над другими, испробованная в игре, оборачивается властью отнюдь не шуточной, ибо принадлежит на самом деле только системе и государству. Шутка, анекдот влекут за собой арест и смерть.

Вот здесь, в этом самом месте и наступает главный сбой фильма. Кажется, вот сейчас после сцены ареста, после того, как камера поднялась вверх и надолго остановилась на силуэте дерева, когда каждый, в известных пределах знающий отечественную историю, уже знает, чем грозит случившееся героям фильма, наступит финал.

Ведь на этом силуэте дерева и могли прозвучать страшные выстрелы, досказывающие сюжет. Но нет. С ненужной театральностью экран воспроизводит сцену расстрела, словно бы повторяя эпизоды фильма Александра Рогожкина "Чекист". Сам режиссер переходит, как представляется, границу, об опасности которой столь серьезно предостерегал. Не случись этого, второй финал - герои, вновь живые, продолжают свои розыгрыши - прозвучал бы мощно и эмоционально. Пусть каждый почувствовал бы в нем свое: прерванную мелодию, которую так трудно вспомнить, или мелодию неутраченную, ибо национальный характер, непрерывно возрождаясь, повторяет прежние ошибки, но и несет в себе мощь и талант. Или живую мелодию, сквозь времена звучащую для нас сегодняшних.

Услышать эту мелодию легко, ибо живет среди нас талантливый, добрый, музыкальный человек - Петр Тодоровский, фильм которого несет в себе живые чувства и ставит нас перед серьезными проблемами.

Ирина ШИЛОВА.

● В кадрах из фильма "Какая чудная игра": Елена Яковлева и Николай Бурляев; Лариса Удовиченко и Андрей Ильин.

Фото Игоря Гневашева.

Услышать мелодию

Экран и сцена. - 1995. - 20-27 июля (№ 28). - с. 4.

"ЭС" начала вести этот фильм еще со сценария. И довела до участия в конкурсе XIX Московского международного кинофестиваля. Со всей силой застарелой любви желаем Петру Ефимовичу Тодоровскому удачи в этой чудной игре.

шего земного суда! Ведь почти каждому есть что скрывать, и от соблюдения тайны зависит не только право на учебу, творчество, но и на жизнь. Так роль художника превращается в роль палача. Но еще можно извиниться, можно успеть покаяться.

Незамысловатый анекдот несет в себе серьезную проблему. Она в обнаружении рубежа между жизнью и искусством. Вторгаясь в чужие пределы, и искусство, и жизнь оказываются опасными друг для друга, ибо несут в себе правила и законы, правомочные только для себя.

Сказанное, как это ни парадоксально, имеет отношение и к самому фильму Петра Тодоровского. В упомянутом гневашевском материале была зафиксирована главная трудность, вставшая перед постановщиком. Юность разных поколений имеет сходные черты, но и различия, подчиняясь обстоятельствам. Доверчивость и бесчувственность, инфантильность и бесшабашность, бескорыстие и прагматизм обладают своими оттенками, особыми обертонами, неповторимыми признаками. Там, на съемочной площадке, Тодоровский и добивался от нынешних молодых погружения в особое самочувствие, состояние, особенный характер рефлексий, которые только и сообщили бы замыслу безупречную правоту и художественную убедительность.

Он брал в руки гитару, задавал ритм, чтобы разжечь в них искру увлеченности ими сочиняемой жизни. Он выходил на площадку, чтобы помочь им разыграть веселую сценку со шляпой на набережной. Он молодел на глазах и возвращал нам свою молодость. И не всегда сегодняшним молодым и явно даровитым актерам удавалось заразить его эмоцией, его способностью быть самим собой.